

На вопросы корреспондента портала «Википедия страхования» об особенностях перестрахования рисков ОПО отвечает генеральный директор ООО «СКОР Перестрахование» Дмитрий Благутин.

– О каком опыте перестрахования рисков ОПО в компании SCOR и ее российском представительстве вы готовы рассказать?

– У нас имеется достаточно большой опыт в этом виде страхования, прежде всего в самой группе. Группа «СКОР» – одна из крупнейших в мире и входит в элиту перестраховочного бизнеса в Европе и в мире. Опыт, безусловно, имеется – прежде всего в области факультативного перестрахования, но также есть и обязательный опыт перестрахования такого рода объектов. Есть опыт взаимодействия со специализированными пулами в разных странах. Что касается российского опыта группы «СКОР», то и он тоже далеко не нулевой. Еще несколько лет назад, когда активно применялись федеральные законы 116 и 117, были первые попытки начинать работать в этом направлении. Было несколько объектов, которые к нам поступали в факультативном виде, и мы их в той или иной степени обрабатывали.

На самом деле еще в 1999 году мы проводили в Москве 4-дневный семинар по этим вопросам, которые на российском рынке поднимались достаточно давно. Они могут менять свою конкретную форму и конкретное преломление в связи с меняющимся законодательством, но суть дела от этого не очень сильно меняется, с точки зрения подхода к этим вопросам западных перестраховщиков, в том числе и СКОР. Разумеется, я не могу отвечать за всех перестраховщиков, мне проще говорить о позиции СКОР по этому вопросу.

– Говорят, что перестрахование ОПО направлено на западных перестраховщиков. Вы разделяете это мнение?

– Я это мнение не разделяю, потому что большая часть рисков ОПО вполне может быть обработана в рамках российского рынка. Но то, что решить эту проблему без международного участия невозможно, это точно. Оставаться в рамках национального рынка нельзя, это просто опасно для рынка и его участников.

– Как вы считаете, какие есть особенности в перестраховании рисков при обязательном страховании ОПО?

– Суть нынешней версии закона не полностью раскрывается его названием и не полностью соответствует тому направлению, по которому собираются действовать участники этого процесса, – я имею в виду страховые компании, пул и т.д. Это уже не столько страхование ответственности перед третьими лицами, сколько страхование ответственности работодателя, потому что впервые, в отличие от законов 116 и 117, так четко и явно звучит, что прежде всего речь идет об ответственности перед работниками предприятия. При этом международный и российский опыт показывает, что первые пострадавшие в большинстве происшествий, связанных с опасным производством, – это сотрудники предприятия. Возможно, в результате этого закон превращается, в некотором смысле, в своеобразный аналог закона об обязательной ответственности работодателя на опасных производствах. И здесь надо различать две вещи: один аспект – это амплитуда событий, то есть объем убытка, ущерб, который может быть нанесен. Второй – частота наступления страховых событий. Возможно, по объему потенциальный ущерб третьим лицам превышает потенциальный ущерб, который может быть нанесен работникам, но зато в плане частоты однозначно можно сказать, что превалировать здесь будет ущерб, наносимый жизни, здоровью и имуществу работника. Объем убытков должен отражаться на уровне технических тарифов, а основная часть этих убытков будет следствием происшествий с работниками предприятий. Именно так происходит на всех известных промышленных рынках.

– Какой объем перестрахования ваша компания планирует взять на себя по обязательному страхованию ОПО?

– Мы сейчас не можем ничего планировать, потому что прежде всего само профессиональное российское сообщество страховщиков ответственности должно определиться, как работает этот пул, на каких принципах, по какой формуле и с какими подходами в перестраховании. После этого будет понятно, что остается не перестрахованным, но уже сейчас ясно, что оставлять наиболее опасные объекты на удержании только российских участников слишком опасно, тяжело для участников. Такие риски требуют перестрахования на других рынках, и в этом случае, возможно, мы будем задействованы.

Мы не забегаем вперед и предоставляем российским страховщикам определиться с тем, как они хотят и как им представляется правильным организовать перестрахование, прежде всего в кругу самих себя, а затем уже на внешних рынках.

Опыт других стран показывает, что это далеко не единственный способ организации процесса. Например, аналогичный пул в Испании, который был организован несколько десятков лет назад. Пул был перестраховочный, и с самого начала в пуле участвовали иностранные перестраховщики, в частности СКОР. Каждый участник определял, в зависимости от своей капитализации, объем ответственности, который он готов был держать на себе, фиксировался процент каждого участника в каждом передаваемом риске, и это была достаточно простая схема участия. Насколько я знаю, СКОР, участвуя в таком пуле в Испании, в качестве своего взноса в общую копилку привносил не только емкость, но и ноу-хау, свои технические знания, методологию и т.д.

– Могут ли, с вашей точки зрения, быть допущены на рынок ОС ОПО средние и мелкие кэптивные компании?

– Проблема не в том, что компания большая или маленькая, хотя в этом тоже. Вопрос в том, кто принимает решение о принятии того или иного риска на ответственность и кто в дальнейшем принимает решение об убытке, кто ведет урегулирование убытка. Складывается такое ощущение, что первая часть вопроса – как делить премию, комиссию – представляется участникам очень важной, и есть также ощущение, что каждый хочет получить максимальную долю участия, в том числе мелкие и средние, кэптивные и другие компании тоже хотят получить свой кусочек пирога. Но речь идет о страховании, а в страховании есть не только премии, но и убытки. И надо отвечать по своим обязательствам, и по убыткам прежде всего. Так вот, этот аспект, мне кажется, сейчас ушел на второй план. И это понятно, потому что премию получают по каждому договору страхования, а убыток, к счастью, наступает далеко не в каждом, а гораздо реже.

Вопрос мелких и средних кэптивных компаний важен с точки зрения вопроса, достаточен или недостаточен технический и методологический уровень андеррайтеров данной компании для принятия риска. Я бы сказал, что этот момент является слабым местом пула, потому что пул сам по себе и нужен для того, чтобы компании-участницы совместными усилиями могли найти тот единственно возможный, узкий круг специалистов, способных успешно работать в этой области.

Пул как раз и необходим, когда решение этих вопросов иными способами невозможно или очень сложно. Например, пул ядерный, пул антитеррористический – это пулы, созданные в связи с тем, что иного решения этих проблем не существует. Так вот, в данном случае решения по рискам, которые будут попадать в пул и на ответственность всех остальных, будут принимать люди, работающие в той или иной страховой компании, каждый в своем углу, со своими правилами, со своими методиками, со своими подходами. А на самом деле мог бы быть совершенно другой подход. Этот подход не применяется, и я не уверен, что и рассматривается. А ведь можно было бы для этого найти узких специалистов – это, очевидно, были бы страховщики-инженеры в области промышленной безопасности. И я не думаю, что их очень много на рынке. Эти страховщики-инженеры могли бы работать именно в пуле в качестве андеррайтеров, то есть в составе андеррайтинговой группы пула. Они могли бы быть подконтрольны Совету пула, андеррайтинговому Комитету пула (такой тоже мог бы быть создан), который включал бы всех ведущих андеррайтеров-участников. Я предлагаю различать вышеуказанных специалистов и людей, которые работают в страховых компаниях и которые помимо ОПО занимаются еще массой других вещей, то есть они не специализированы, а многие из них просто не инженеры. Я думаю, трех специалистов было бы достаточно. Здесь нужны, в частности, специалисты по вопросам крупнейших плотин, крупных предприятий. Вот только тогда пул становится пулом, тогда к пулу появляется доверие со стороны участников рынка.

Если взять опыт СКОРа, то наша компания использует труд специалистов, имеющих профильное, инженерное образование. Например, в департаменте перестрахования СМР у нас есть и специалист по туннелям, и специалисты по шахтам, по гражданскому строительству и т.д., есть люди, специализирующиеся в области ядерных рисков. Но при этом даже они не считают себя в состоянии принимать решения за весь рынок по таким специфическим рискам, как, допустим, строительно-монтажные риски при строительстве атомных станций, и это доверяется специализированному пулу. И только пул может найти и обеспечить занятость узких специалистов, которые только этим и занимаются, и вот тогда крупные компании смогут доверять этим людям: их решения прозрачны, они подконтрольны.

Без понимания, кто принял решение, кто и как будет урегулировать убыток, привлечь к сотрудничеству больших перестраховщиков здесь будет очень сложно.

Но несмотря на все эти недостатки, я считаю, безусловно, положительным фактом, что этот закон наконец принимается. Лучше начать движение и по ходу вносить изменения и исправления, чем вообще ничего не делать.

Вообще, закон будет иметь большое социальное значение, потому что тут есть фактор ответственности перед сотрудниками, а практически вся активная часть населения страны, все работники, на всех рабочих местах тем или иным образом затронуты этим законом. Не только как жители – третьи лица, но и как работники.

– Адекватны ли, на ваш взгляд, установленные тарифы и поправочные коэффициенты, система их расчета по ОС ОПО?

– Тариф неадекватен был в самом начале не потому, что он большой или маленький, а потому, что он принципиально считался не от того, от чего нужно. Есть незыблемый принцип в страховании – объем потенциального убытка должен покрываться страховой премией, плюс расход на ведение дела – как дельта, которая добавляется к этому объему. Если это касается имущественного страхования, то мы говорим, что объем данного риска ограничивается страховой стоимостью, например, здания. Это максимальная сумма, которая при самом худшем сценарии может «погибнуть» при страховом событии. Тогда мы можем применять тариф в виде процента от этой суммы.

У нас же здесь страхование ответственности, объем которой устанавливается административным образом. Это решает правительство, эти объемы – максимальные лимиты – могут меняться, они могут не в полной мере отражать степень подверженности риску. Соответственно, применять тариф, выраженный в проценте к этим лимитам, неправильно в принципе. Это касается любого случая страхования гражданской ответственности, в том числе и в ОПО.

К примеру, тариф применяется к сумме 100 млн рублей, причем в одном случае подвержены риску 200 млн рублей, а в другом – 1 млрд рублей. Понятно, что если сравнить предприятие, по которому объем подверженности риску составляет 1 млрд

рублей, и предприятие, где этот же объем – 200 млн рублей, понятно, что первое предприятие в 5 раз опаснее, чем второе. А при этом в нашей нынешней версии закона мы один и тот же тариф применяем к административно назначенной величине лимита. И это говорит о том, что в одном случае мы переплачиваем, а в другом недоплачиваем, то есть система определения тарифов принципиально технически некорректна.

– Как решается такая проблема?

– Для этого достаточно условно установить, например, взнос за сотрудника – это будет такая условная возможность различать предприятия по степени риска. Хотя в ответ на это могут сказать, что это, к примеру, относится к металлургическим предприятиям, а когда это плотина или электростанция, то людей здесь работает гораздо меньше, при том что наибольший объем подверженности риску в этом случае приходится на третьи лица: это то имущество предприятий и те люди, которые находятся в потенциально затопляемой зоне.

Еще вариант решения вопроса – это объем выручки в качестве критерия: можно предусмотреть процент, применяемый не к лимиту, а к объему продаж. В таком случае степень ответственности считалась бы от некоторого объективного показателя, отражающего степень риска.

Если бы тарифы поменяли (как пытались), это было бы еще более неправильным, в каких-то случаях взнос был бы недостаточным по объему.

На сегодняшний день вот что означает неадекватность тарификации: в одних случаях этот взнос будет избыточным, и поэтому, по понятным причинам, промышленники возражают против таких тарифов, а в других случаях этот взнос может оказаться недостаточным.

Вообще, на перспективу, речь идет об обязательном страховании ответственности при свободном тарифе, хотя до этого двигаться еще очень и очень долго. Если мы будем говорить об обязательном страховании ответственности в ведущих странах Европы и мира, то там не очень будет понятно, о чем речь, потому что ни один промышленник не может себе представить, как он будет работать без страхования ГО. Не в силу

обязательного закона, а в силу того, что он точно знает, что его ответственность перед пострадавшими неотвратима и что он должен будет в полной мере возместить ущерб, возникший по его вине.

Нужно время, нужна практика, и суды должны заработать.

Очень важна информация о самом опасном объекте, и этим могут и должны заняться профессиональное объединение и пул. Наряду с группой андеррайтеров пула также может быть создана группа риск-инженеров. Это огромная работа, которая должна быть централизована, наверняка в профессиональном объединении есть такое понимание, есть такие группы, а если нет, то будут. Наверно, это не надо отдавать на откуп каждому отдельному участнику пула. Это правильнее было бы централизовать на уровне НССО или пула, который может содержать какой-то небольшой штат для этого. Возможно, потребуется IT-решение... И тогда это будет другая ситуация, это откроет рынок страхования. Если будет доверие к решениям на уровне прямого страхования, тогда перестраховщики смогут сказать: да, страховую судьбу этих людей я готов разделить.

На какую-то обозримую перспективу в будущем, может быть, некоторые моменты стоило бы и поменять. Например, сегодня любое предприятие, в любом виде, насколько я понимаю, по закону обязательно получит полис ОС ОПО. И отказать ему нельзя, и за это с него возьмут взнос, который определен законом и не больше того. Но самое главное, что ему нельзя отказать, а вот это неправильно принципиально. Есть предприятия, которым функционировать нельзя. Я по опыту начала 2000-х годов могу сказать, что среди нескольких тысяч гидротехнических сооружений (а все они – опасные объекты по закону) примерно половина не подлежит страхованию, они вообще не должны эксплуатироваться. Хорошо бы, чтобы к ним можно было применять заградительный страховой тариф. И очень легко можно было бы предусмотреть механизм контроля за этими вопросами: допустим, налоговая инспекция, принимая налоговый отчет, может не принять его без наличия полиса страхования ОПО. То, что не может сделать технический надзор, сможет сделать надзор страховой, и в этом случае страховая компания будет играть роль «санитара леса», то есть слабые и не способные обеспечить безопасное функционирование предприятия должны исчезать или перепрофилироваться, перепродаваться. Для этого, как минимум, должна быть возможность поставить заградительный тариф, иначе это будет сбор податей.

Когда мы принимаем объект на перестрахование, мы обязательно смотрим на историю этого объекта, состояние финансирования и прочее. С помощью страхования может

включиться механизм отбора нормально функционирующих предприятий.

Государство не должно было бы вмешиваться в эти процессы, не будь здесь опасности для населения и для третьих лиц.

Источник: www.wiki-ins.ru, 19.12.11